

УДК 811.161.1'37(091)

БИОМОРФНАЯ МЕТАФОРА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ ПАРЛАМЕНТСКОМ ДИСКУРСЕ

© Евгений Дулесов

BIOMORPHIC METAPHOR IN RUSSIAN PRE-REVOLUTIONARY PARLIAMENTARY DISCOURSE

Evgeniy Dulesov

From the viewpoint of cognitive linguistics, the article analyses two productive metaphoric models, used in the speeches of the Russian Imperial Duma members – physiological (“a state is an organism”) and morbid metaphors (“a state is a sick organism”). We have found that biomorphic metaphors are actively employed by the adherents to different political ideologies (right-wingers, left-wingers and Constitutional Democrats): the state and the society are compared to a human body, political and social actions – to physiological processes (breathing, nutrition, sleeping, etc.), socially important problems – to diseases. However, certain differences exist. Firstly, representatives of different parties use different frames and slots of the physiological model: conservatives utilize the frames ‘human body’ and ‘physiological organs’ to promote the idea of one and united Russia and a hierarchically organized society; left-wingers often resort to metaphors of the slot ‘breathing’ within the frame ‘physiological processes’ to underscore the importance of civil liberties. Secondly, by using similar biomorphic images, deputies characterize different objects of reality. For instance, with the help of disease metaphors, right-wingers describe revolutionary and separatist movements, whereas oppositionists employ this type of metaphors to depict government’s and right parties’ activities.

Keywords: biomorphic metaphor, metaphoric model, physiological metaphor, morbid metaphor, parliamentary discourse, Russian Imperial Duma.

С позиций когнитивной лингвистики в статье рассматриваются две продуктивные метафорические модели, задействованные в речах депутатов Государственной думы Российской империи, – физиологическая («Государство – это организм») и морбиальная («Государство – это больной организм»). Установлено, что к биоморфной метафоре активно обращаются приверженцы различных политических идеологий (правые, левые, кадеты): государство и общество сравниваются с человеческим организмом, действия и состояния в социально-политической сфере – с физиологическими процессами (дыханием, питанием, сном и т. п.), общественно важные проблемы – с болезнями. При этом отмечается ряд отличий. Во-первых, представители разных партий используют различные фреймы и слоты физиологической модели: консерваторы эксплуатируют фреймы «Тело человека» и «Физиологические органы» для профилирования идеи единой и неделимой России и иерархически организованного общества; в речах левых частотны метафоры, принадлежащие к слоту «Дыхание» в составе фрейма «Физиологические действия» и подчеркивающие важность гражданских свобод. Во-вторых, используя схожие биоморфные образы, парламентарии характеризуют разные реалии. Так, в выступлениях правых с помощью метафор болезни изображается революционное и сепаратистское движение, в речах оппозиционеров – деятельность правительства и правых партий.

Ключевые слова: биоморфная метафора, метафорическая модель, физиологическая метафора, морбиальная метафора, парламентский дискурс, Государственная дума Российской империи.

Начало XX века в Российской империи ознаменовалось широкомасштабными изменениями в самых разных сферах общественной жизни. Одним из итогов революции 1905 г. стало издание манифеста 17 октября, даровавшего гражданские свободы на началах неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов,

а также учреждавшего Государственную думу. Впервые политика в России получила публичный статус, поэтому с этими событиями связано рождение не только новой отрасли светского красноречия – парламентской риторики, но и самого отечественного публичного политического дискурса [Громыко, с. 83]. Исследователи кон-

статируют, что дореволюционный парламентский дискурс не часто оказывается в фокусе лингвистической рефлексии [Гаврилова, 2017, с. 10], однако представляется, что с помощью анализа политического языка начала XX века мы сможем лучше понять глобальные процессы, предопределившие судьбу нашего государства.

По образному определению Д. Грабер, политическая коммуникация как важнейшая деятельность, связывающая разные части общества в единое целое, является «кровью или материнским молоком политики» (lifeblood or mother's milk of politics) [цит. по: Mio, p. 113]. Один из ее главных инструментов, когнитивная метафора, стала объектом пристального изучения современной политической лингвистики. Согласно когнитивной трактовке, метафора понимается как процесс осмысления сущности одного рода (сферы-мишени) через сущность другого рода (сферу-источник), при котором «когнитивная топология» (образно-схематическая структура) сферы-источника частично переносится на сферу-мишень [Скребцова, с. 36].

Политическая метафора обладает очень важным свойством: она позволяет представить абстрактную и сложную политическую сферу в более простых, конкретных и понятных образах, например, государство может пониматься как дом, здание, а его изменение – как перестройка. При этом метафора не только отражает существующую социальную практику, но и подсказывает, настраивает, наводит на определенный тип решения и поведения [Гаврилова, 2004, с. 104]. Важно подчеркнуть, что в процессе конструирования политической реальности ведущую роль играют не отдельные, разрозненные метафоры, а целые системы взаимосвязанных метафор. В связи с этим в центре внимания отечественной политической лингвистики оказывается метафорическая модель – «устойчивое соотношение между областью источника и областью мишени, зафиксированное в языковой и культурной традиции этноса и хранящееся в памяти носителей языка» [Кондратьева, с. 47].

Дж. Чартерис-Блэк отмечает: если идеология влияет на использование языка, то можно предположить, что политические партии по-разному используют метафору [Charteris-Black, p. 65]. Для установления связи между использованием метафоры и политической идеологией нами было проанализировано 250 выступлений в Государственной думе Российской империи, при этом было взято по 70 речей правых (монархистов и националистов), левых (социалистов и трудовиков) и кадетов, придерживавшихся либеральных взглядов. Эти три группы наиболее различаются

по политической идеологии. Чтобы представить общую картину дореволюционного парламентского дискурса, также было исследовано 15 речей представителей правительства и 25 речей октябристов.

Анализ дореволюционного парламентского дискурса показал, что наиболее востребованными для метафорического осмысления социально-политической сферы оказались следующие понятийные области: «Организм», «Война», «Болезнь», «Мир неживой природы», «Литература», «Дом», «Мир животных». Цель настоящей статьи – проанализировать две метафорические модели, физиологическую и морбиальную, то есть рассмотреть биоморфную метафору, позволяющую представить непредметные сущности через ассоциации с жизнедеятельностью живого организма (как правило, человека) [Кондратьева, с. 59].

Как отмечает А. П. Чудинов, физиологическая метафора – «одна из наиболее традиционных и детально структурированных в отечественном политическом дискурсе. <...> Исходная сфера русской политической метафоры рассматриваемого типа – это „наивные“ представления человека о своем теле, его частях (органах), их функциях и физиологических действиях» [Чудинов, с. 59]. Государства, партии, различные организации сравниваются с человеческим организмом, а действия и состояния в социально-политической сфере – с физиологическими процессами: дыханием, питанием, сном и т. п. Высокая продуктивность физиологической метафоры, а также ее способность профилировать самые различные прагматические смыслы заставляют нас обратить на нее особое внимание. Используя структуру физиологической модели, предложенную А. П. Чудиновым в [Там же, с. 59–68], охарактеризуем ее фреймы и слоты, наиболее типичные для дореволюционного парламентского дискурса.

Фрейм «Тело (организм) человека». Представление государства как человеческого тела является одной из древнейших политических метафор. В состав данного фрейма входит высокочастотная лексикализованная метафора *организм* («всякое сложное единство, в своих специфических признаках не сводимое к составным частям» [Толковый словарь русского языка, т. 2, с. 210]): (1) *Я говорю о России в совокупности, не об отдельных частях ее государственного организма* (В. А. Маклаков) [Государственная дума. Стенографические отчеты, 1912–1913, ч. 1, стб. 328] (далее – ГДСО). Главная идея, высвечиваемая метафорами фрейма «Тело человека», – единство, нераздельность российского государ-

ства – особенно важна для дискурса правых, в политических программах которых выражен следующий тезис: «Все попытки к расчленению России под каким бы то ни было видом недопустимы. Россия едина и неделима» [Черная сотня, с. 7]. Эта идея представляется и с помощью «оживления» языковой метафоры *государственный организм*: (2) *...Пусть же сами инородцы, населяющие Российскую империю, смотрят... на себя как на нераздельную часть единого живого государственного организма...* (Епископ Евлогий) [ГДСО, 1909, ч. 1, стб. 2998]. В рамках метафоры организма любые сепаратистские тенденции рассматриваются как попытка отрубить от тела какую-то его важную часть. Активно эта метафора используется при осмыслении украинского вопроса, наиболее болезненного для правых: (3) *...Если, господа, им удастся вбить клин в живое и целое тело русского народа, если им удастся расколоть русский народ на две различных враждебных части, то это грозит, господа, смертельной опасностью великому русскому государству* (А. И. Савенко) [Там же, 1913, ч. 3, стб. 606].

Фрейм «Физиологические органы». Концептуальная метафора «Государство – это организм» представляет каждый социальный класс как определенный орган человеческого тела и устанавливает жесткую иерархию общественных отношений. Чтобы организм нормально существовал, все его части должны слаженно работать [Ringmar, p. 58–60]. К метафорам данного фрейма искони обращались представители политических элит для удержания власти. Так, согласно легенде, древнеримский сенатор Агриппа умиротворил взбунтовавшихся плебеев, сравнив государство с организмом, в котором мозг – это патриции, а руки – это плебеи: «И если человек погибнет, когда его органы перестанут слушать голову и выполнять ее приказы, то и государство погибнет, если его граждане не будут выполнять то, что является их естественной обязанностью, перестанут исполнять приказы головы, которой являются патриции» [Невельская-Гордеева, Шестопап, с. 77]

Рассуждения, построенные на той же метафоре, что и у древнеримского сенатора Агриппы, находим в речах правых депутатов Государственной думы, оправдывавших традиционное сословное деление русского общества: (4) *Ведь если в нашем стремлении к справедливости... перейти известные пределы, то его можно будет уподобить тому, как если бы руки и ноги вашего тела заявили рту: это несправедливо, что ты кушаешь, а мы только работаем. Это было бы нелепо, ибо руки, ноги и рот суть члены одного*

живого тела, как землевладельцы и земледельцы и все прочие классы суть члены одного живого государственного тела (Н. Е. Марков) [ГДСО, 1908, ч. 1, стб. 926].

Фрейм «Физиологические действия». Данный фрейм, состоящий из слотов «Питание, пищеварение и смежные процессы», «Сон (и его фазы)», «Рождение, смерть и смежные концепты», «Дыхание» и др., является наиболее продуктивным в физиологической модели, к нему активно обращаются представители разных политических направлений.

Слот «Рождение, смерть и смежные концепты». Поскольку политики сравнивают различные организации и учреждения с человеческим организмом, их возникновение часто представляется как рождение, а прекращение их деятельности – как смерть: (5) *Не отстают от них [крайне правых] и та часть населения, которая представлена в стенах Государственной думы новорожденной фракцией русских националистов* (Е. П. Гегечкори) [Там же, 1909, ч. 1, стб. 1888]; (6) *...Земство исчезло, земские собрания не собираются, никакая сила в мире не в состоянии их оживить. ...Земство, как орган, здесь умерло, и в тех его старых рамках здесь воскресить его не удастся...* (А. И. Шингарев) [Там же, 1912–1913, ч. 1, стб. 437].

Метафора рождения может также высвечивать каузативные отношения – причинно-следственную связь одного события с другим. Оппозиционные депутаты (кадеты и левые) считали незаконными изменения избирательной системы («третьеиюньский переворот»), принятые после досрочного роспуска Думы II созыва и дававшие приоритет избирателям с высоким имущественным цензом. Третью Государственную думу оппозиционеры рассматривали как организм, рожденный незаконной избирательной реформой: (7) *...Счастье наше, что вы не являетесь народными представителями, что вы, господа, рожденные незаконным актом 3 июня, рожденные в беззаконии, и можете совершать только беззакония...* (А. А. Булат) [Там же, 1910, ч. 4, стб. 2103]; (8) *Господа, здесь дело идет о законности вашего рождения. Третья дума во грехе была зачата, она была зачата после акта 3 июня, который само правительство признает беззаконным. «В беззакониях зачат есмь», – могли бы сказать про себя вожди Третьей Государственной думы* (Ф. И. Родичев) [Там же, 1912–1913, ч. 1, стб. 987]. В примере (8) кадетский депутат акцентирует негативно окрашенную метафору рождения с помощью прецедентного высказывания – слов из 50-го псалма («Се бо в беззакониях зачат есмь, и во гресех роди мя мати

моя)), что должно подчеркнуть изначальную греховность, порочность III Думы.

Российский политик начала XX века мыслит антитезами, и одним из доминантных становится противопоставление «живое – мертвое». Все, что ассоциируется с жизнью, оценивается положительно, со смертью – отрицательно. Поэтому с помощью метафоры смерти депутаты создают пейоративный образ своего политического противника: политика, которую тот защищает, ведет к гибели государства. Например, в рамках метафоры смерти левые депутаты описывают наступившую после революции 1905 г. реакцию: (9) *...Вся страна приведена в состояние, можно сказать, бездыханного трупа...* (Н. С. Чхеидзе) [Там же, 1911, ч. 3, стб. 433]; (10) *...Теперь, в период безвременья, ...всякая общественность на Руси погибла, ...над мертвым полем общественности реет только кровавый дух полицейской государственности...* (И. П. Покровский) [Там же, 1909, ч. 1 стб. 968].

В данных контекстах оппозиционные политики задействуют тактику, которую Н. Б. Руженцева называет тактикой создания «образа похорон»: политическая ситуация представляется как безнадежно устаревшая, отжившая и достойная лишь «погребения» [Руженцева, с. 188]. При этом, по мнению левых, «могильная тишина» реакции непременно должна смениться возрождением – революцией: (11) *...И настанет, господа, година свободы, и сметет грозное народное движение этот гнусный старый порядок; и там, где было кладбище, возродится жизнь свободная...* (Т. О. Белоусов) [ГДСО, 1909, ч. 2, стб. 2181].

Слот «Сон (и его фазы)». В рамках понятий «сон – пробуждение» политики характеризуют этапы общественной пассивности и активности. Опасно находиться в состоянии сна, поскольку в это время враг может нанести удар. Сон может означать смерть.

Как спящий организм правые парламентарии обычно описывают правительство, не обращающее должного внимания на революционную деятельность: (12) *Оно [правительство] спало, и мы видим из дальнейшего, что сон его был настолько глубок, что события, которые развивались после 1903 г., не могли разбудить его и заставить положить предел этому революционному движению* (В. М. Пуришкевич) [Там же, 1911, ч. 2, стб. 2169]. С точки же зрения левых депутатов, долгое время спали общественные силы, не проявлявшие достаточной энергии для борьбы с правительством, но после революции 1905 г. они активизировались, проснулись: (13) *Неудивительно ли, господа, что душа народа, имеющего*

тысячелетнюю историю, душа эта спала почти непробудным сном, но стоило только подняться революционной волне, как душа эта вздрогнула и проснулась? (Н. С. Чхеидзе) [Там же, 1911, ч. 3, стб. 2978].

Перед лицом надвигающейся опасности нужно быть бдительным и собранным как никогда, поэтому прагматически обдуманно оказывается выбор функций, приписываемых участникам политических действий. Себя оратор, опираясь на слот «Сон», может позиционировать как того, кто призывает к активным действиям, будит общественное сознание: (14) *...Мы хотим, чтобы запросы наши... были тем tomento mori, которое бы напоминало стране, что мы бодрствуем и никогда не просим той страницы русской истории, которая может обернуться нам на вечную погибель* (В. М. Пуришкевич) [Там же, 1908, ч. 3, стб. 704]. В свою очередь, противник изображается как субъект, во что бы то ни стало пытающийся ввести общество в состояние сна, загипнотизировать, чтобы в нужный момент уничтожить: (15) *...Им нужны, господа, гипнотизеры, усыпляющие народную совесть и затемняющие народное самосознание...* (Н. С. Чхеидзе) [Там же, 1911, ч. 3, стб. 433].

Стоит отметить, что традиция использования гипнотических метафор (сна и бодрствования) восходит к Священному Писанию [Кондратьева, с. 92]. В Библии со сном по большей части ассоциируются негативные образы, он сравнивается с состоянием греховности и распущенности, в то же время дух бодрствования превозносится как добродетель, в частности потому, что он позволяет быть внимательным к слову Божьему. Кроме того, бодрствование отождествляется с воскресением в противоположность состоянию сна – смерти [Словарь библейских образов, с. 914, 1125–1126].

Слот «Питание, пищеварение и смежные процессы». Данный слот характеризуется концептуальным вектором жестокости, агрессивности и используется прежде всего для указания на непомерные и незаконные желания политического противника. Наиболее частотной при этом оказывается языковая метафора *аппетиты*, причем в представлении правых ненасытным аппетитом обладают национальные меньшинства, стремящиеся расширить свою автономию, в то время как оппозиционеры подобным образом изображают правительство и консерваторов, желающих урезать права граждан: (16) *...Русскому правительству невозможно оберечь интересы русского народа, права русского государства и удовлетворить аппетиты финляндских сепаратистов* (Н. Е. Марков) [ГДСО, 1908, ч. 3, стб.

387]; (17) *Но нам говорят, что у Финляндии была вековая конституция. Тем лучше – отвечают нам на это, мы, говорят, простите за выражение, одну свою конституцию уже слопали, а теперь позвольте сожрать и финляндскую конституцию* (Н. С. Чхеидзе) [Там же, 1910, ч. 4, стб. 2223].

Слот «Дыхание». Данный слот особенно часто задействуется в речах левых депутатов. Человек дышит тогда, когда у него есть возможность пользоваться своими правами и свободами, в свою очередь, в бесправном обществе он задыхается. Представление концепта «свобода» как жизненно важной функции организма свидетельствует о его особой значимости именно в оппозиционном дискурсе: (18) ... [После объявления автономии] *высшая школа... вздохнула свободно с устранением полицейской опеки, с изгнанием шпионажа и сыска, с изгнанием атмосферы полицейщины* (Е. П. Гегечкори) [Там же, 1911, ч. 2, стб. 2720]; (19) *...Русскому гражданскому обществу необходимы правовые нормы, чтобы оно не задохлось и не погибло окончательно* (И. П. Покровский) [Там же, 1909, ч. 2, стб. 38–39].

В рамках морбиальной метафоры государство изображается как огромный живой организм, которому угрожает болезнь. Как отмечают З. И. Резанова и К. С. Шилаев, «в данной модели значимыми являются смыслы деструкции, повреждения, что в сочетании с антропоморфными смыслами актуализирует смысл „боль“, имплицитный модусы сочувствия, сопереживания субъекту» [Резанова, Шилаев, с. 223]. В составе данной модели много лексикализованных, высокочастотных метафор. Социально-политические проблемы метафорически обозначаются как *больной вопрос, больное место, болезнь, разложение, язва, яд, отравы, угар, паралич, недуг, гнойник, зараза, рецидив, рана* и т. д. Наиболее наболевшие вопросы облекаются в форму развернутой метафоры: (20) *В новый правовой организм вторглось инородное тело, вонзилась заноза, которая грозит отравить кровь и расстроить кровообращение* [о третьей июньском перевороте] (П. Н. Милоков) [ГДСО, 1908, ч. 1, стб. 149].

Сфера-мишень морбиальной метафоры зависит от политической позиции говорящего. Правые политики как болезненные явления изображают прежде всего «разлагающее влияние» инородцев, революционное и сепаратистское движение (*революционная саркома, революционный угар, яд пропаганды*). В свою очередь, в речах оппозиционеров в терминах болезни осмысливаются деятельность правительства, правых партий, полицейский произвол, национализм (*яд доно-*

сительства, рецидив крепостнических взглядов, обнажающаяся язва административных приемов, психоз национализма). Особое внимание левые уделяют эксплуатации трудящихся масс (помещики – паразиты, которые живут на народном теле и высасывают из него народные соки), а кадеты – нарушению закона (*гипертрофия полиции и атрофия закона*).

Морбиальная метафорическая модель включает в себя сценарий: если государство больно, ему следует незамедлительно поставить диагноз и назначить правильное лечение, при этом процесс выздоровления может оказаться длительным и тяжелым. Политический курс, предлагаемый оратором, предстает как комплекс мер по оздоровлению организма: (21) *Для того, чтобы излечить какую-либо болезнь, надо правильно поставить ей диагноз, надо узнать причины этой болезни. Корни того злого недуга, который грозит смертью холмскому русскому народу, уходят в глубь истории* (Епископ Евлогий) [Там же, 1911, ч. 1, стб. 2654]; (22) *Государственный переворот иногда ведет к благу, как хирургическая операция к выздоровлению* (В. А. Маклаков) [Там же, 1911, ч. 1, стб. 820].

Итак, мы видим, что приверженцы разных политических идеологий (социалистической, либеральной, консервативной) активно обращаются к биоморфной метафоре. Тем не менее, можно отметить ряд отличий в ее использовании. Во-первых, политики разных направлений задействуют различные фреймы и слоты физиологической метафоры для профилирования нужных им смыслов. Так, метафора смерти широко представлена в речах и правых, и левых, и кадетов. Однако у правых политиков в приоритете оказываются фреймы «Тело человека» и «Физиологические органы», помогающие осмыслить государство как единый организм, в котором существует четкая иерархия между социальными классами. В речах левых, в свою очередь, активно эксплуатируются метафоры, сопоставляющие осуществление гражданских прав с дыханием. Кроме того, используя схожие метафоры, представители разных парламентских партий и фракций высвечивают разные смыслы, метафорически характеризуют разные реалии, актуализируя наиболее значимые для их идеологии ключевые концепты. Так, для правых основополагающей идеей становится сохранение самодержавия и защита интересов русского народа, поэтому с помощью метафор прежде всего создается негативно окрашенный образ врага (революционера, оппозиционера, представителя национальных меньшинств) как несущего болезнь и смерть и позитивный образ существующего строя (Россия

как единый, правильно работающий организм). Оппозиционные депутаты в первую очередь стремятся выставить в неприглядном свете правительство и правящие классы (описание мертвой, душлимой атмосферы реакции), а также угрожают им революцией (пробуждением, воскресением общества). Любопытно, что к подобным выводам приходит и Дж. Чартерис-Блэк. Проанализировав манифесты двух ведущих британских партий, Лейбористской (левые) и Консервативной (правые), исследователь установил, что они особо не отличаются ни по частотности метафор, ни по употребительности сферисточников, однако одну и ту же метафору противоборствующие партии используют по-разному, конструируя те смыслы, которые отражают их идеологическую позицию [Charteris-Black, p. 68–69].

Список литературы

Гаврилова М. В. Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В. В. Путина и Б. Н. Ельцина). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. 296 с.

Гаврилова М. В. Лингвистические заметки о воздействии публичного слова: к столетию русской революции // Политическая лингвистика. 2017. № 4. С. 10–17.

Государственная дума. Стенографические отчеты. СПб.: Государственная типография, 1906–1917.

Громыко С. А. Язык российского парламента: становление отечественной парламентской коммуникации в начале XX века // Политическая лингвистика. 2011. № 2. С. 82–91.

Кондратьева О. Н. Диахроническая метафорология (когнитивно-дискурсивный аспект). Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2015. 238 с.

Невельская-Гордеева Е. П., Шестопал С. С. Особенности применения умозаключений по аналогии в судебной аргументации // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2016. № 2. С. 76–83.

Резанова З. И., Шиляев К. С. Украина и Россия в условиях социального конфликта: метафорическое моделирование образа в российском медиадискурсе // Русин. 2015. № 4. С. 217–234.

Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2004. 294 с.

Скребцова Т. Г. Современные исследования политической метафоры // Вестник Санкт-петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2005. № 1. С. 35–46.

Словарь библейских образов / под общ. ред. Л. Райкена, Дж. Уилхойта, Т. Лонгмана. СПб.: Библия для всех, 2005. 1424 с.

Толковый словарь русского языка: в 3 т. Т. 2 / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Вече: Мир книги, 2001. 688 с.

Черная сотня: историческая энциклопедия / сост. А. Д. Степанов, А. А. Иванов; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 640 с.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2001. 238 с.

Charteris-Black J. Corpus approaches to critical metaphor analysis. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004. 263 p.

Mio J. S. Metaphor and politics // Metaphor and symbol. 1997. № 2. URL: https://www.researchgate.net/publication/247503786_Metaphor_and_Politics (дата обращения: 01.12.2018).

Ringmar E. Metaphors of social order // Political language and metaphor: interpreting and changing the world. London: Routledge, 2008. URL: https://www.academia.edu/2750754/Metaphors_of_Social_Order (дата обращения: 01.12.2018).

References

Charteris-Black, J. (2004). *Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis*. 263 p. Basingstoke, Palgrave Macmillan. (In English)

Chernaia sotnia: istoricheskaia entsiklopediia (2008). [The Black Hundred. Historical Encyclopedia]. Edited by O. A. Platonov. 640 p. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii. (In Russian)

Chudinov, A. P. (2001). *Rossiiia v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafory (1991–2000)* [Russia in a Metaphorical Mirror: Cognitive Research of the Political Metaphor (1991–2000)]. 238 p. Yekaterinburg, Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. (In Russian)

Gavrilova, M. V. (2004). *Kognitivnye i ritoricheskie osnovy prezidentskoi rechi (na materiale vystupenii V. V. Putina i B. N. El'tsina)* [Cognitive and Rhetorical Foundations of the Presidential Speech (Case Studies of Vladimir Putin's and Boris Yeltsin's Speeches)]. 296 p. St. Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU. (In Russian)

Gavrilova, M. V. (2017). *Lingvisticheskie zametki o vozdeistvii publichnogo slova: k stoletiiu russkoi revoliutsii* [The Impact of a Political Word: On the Centenary of the Russian Revolution]. *Political linguistics*. Issue 4, pp. 10–17. (In Russian)

Gosudarstvennaia дума. *Stenograficheskie otcheti (1906–1917)* [State Duma. Verbatim Records]. St. Petersburg, Gosudarstvennaia tipografiia. (In Russian)

Gromyko, S. A. (2011). *Iazyk rossiiskogo parlamenta: stanovlenie otechestvennoi parlamentskoi kommunikatsii v nachale XX veka* [The Language of the Russian Parliament: Russian Parliamentary Communication Coming into Being in the Early 20th Century]. *Political linguistics*. Issue 2, pp. 82–91. (In Russian)

Kondrat'eva, O. N. (2015). *Diakhronicheskaia metaforologiya (kognitivno-diskursivnyi aspekt)* [Diachronic Metaphorology (Cognitive and Discourse Aspects)]. 238 p. Kemerovo, Kemerovskii gosudarstvennyi universitet. (In Russian)

- Mio, J. S. (1997). *Metaphor and Politics*. Metaphor and symbol. No. 2. URL: https://www.researchgate.net/publication/247503786_Metaphor_and_Politics (accessed: 01.12.2018). (In English)
- Nevel'skaia-Gordeeva, E. P., Shestopal, S. S. (2016). *Osobnosti primeneniia umozakliuchenii po analogii v sudebnoi argumentatsii* [The Aspects of Analogical Reasoning in Legal Argumentation]. The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. Issue 2, pp. 76–83. (In Russian)
- Rezanova, Z. I., Shiliaev, K. S. (2015). *Ukraina i Rossiia v usloviakh sotsial'nogo konflikta: metaforicheskoe modelirovanie obraza v rossiiskom mediadis-kurse* [Ukraine and Russia in the Social Conflict: Metaphorical Modeling in Russian Media Discourse]. Rusin. Issue 4, pp. 217–234. (In Russian)
- Ringmar, E. (2008). *Metaphors of Social Order*. Political language and metaphor: interpreting and changing the world. London, Routledge. URL: https://www.academia.edu/2750754/Metaphors_of_Social_Order (accessed: 01.12.2018). (In English)
- Ruzhentseva, N. B. (2004). *Diskreditiruiushchie taktiki i priemy v rossiiskom politicheskom diskurse* [Discrediting Tactics and Techniques in Russian Political Discourse]. 294 p. Yekaterinburg, Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. (In Russian)
- Skrebtsova, T. G. (2005). *Sovremennye issledovaniia politicheskoi metafory* [Current Trends in Political Metaphor Research]. Vestnik of Saint Petersburg University. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism. Issue 1, pp. 35–46. (In Russian)
- Slovar' bibleiskikh obrazov* (2005) [Dictionary of Biblical Imagery]. Edited by L. Ryken, J. C. Wilhoit, T. Longman. 1424 p. St. Petersburg, Bibliia dlia vsekh. (In Russian)
- Tolkovi slovar' russkogo iazyka* (2001) [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Edited by D. N. Ushakov. 688 p. Moscow, Veche, Mir knigi. (In Russian)

The article was submitted on 22.01.2019

Поступила в редакцию 22.01.2019

Дулесов Евгений Павлович,
аспирант,
ассистент,
Удмуртский государственный университет,
426034, Россия, Ижевск,
Университетская, 1 (корп. 2).
evdules@gmail.com

Dulesov Evgeniy Pavlovich,
graduate student,
Assistant Professor,
Udmurt State University,
1/2 Universitetskaya Str.,
Izhevsk, 426034, Russian Federation.
evdules@gmail.com